

19.00.00 Psychological sciences

19.00.00 Психологические науки

UDC 159.9

**THE PRINCIPLE OF SUBJECTIVITY IN SOCIAL PHILOSOPHY
AND PSYCHOLOGY OF PERSONALITY**¹ Svetlana N. Teslya² Igor B. Shuvanov³ Vladimir V. Vidishchev¹ Sochi State University

Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia

Dr. (philosophical), professor

E-mail: Wayness@yandex.ru

² Sochi State University

Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia

PhD (psychological)

³ Sochi State University

Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia

PhD student

E-mail: voland.begemot@mail.ru

The article makes an attempt to reveal the content of the principle of subjectivity in contemporary Russian social philosophy and psychology of personality as the basis of their categorical integration.

Keywords: principle of subjectivity, subjectivity, ideal-considering, identity, a human and genesis, the subject, the subject of life, the position of a person, ethnic group.

Цель исследования: раскрыть содержание принципа субъектности в современной отечественной социальной философии и психологии личности как основу их категориальной интеграции. Объект исследования: методология субъектного подхода в социальной философии и психологии личности. Предмет исследования: содержание принципа субъектности.

Актуальность исследования. В отечественных обобщающих трудах по социальной философии начала XXI века, казалось бы, традиционно задается проблематика соотношения человека и общества в границах объективистской диалектической парадигмы (Барулин В.С., Гобозов И.А.). Однако все заметнее стремление переосмыслить значение «человеческого фактора» в общественных процессах, представить его в качестве активной имманентной «единицы» анализа социальной динамики и «конечной цели» социального прогресса (Пигров К.С., Кемеров В., Митрошенков). В конце XX в. в социальную философию влились «антропный принцип», «гуманитарная парадигма», «герменевтика субъекта», «культур-антропологические», «социально-антропологические», «интеракционистские» методологические установки, «экзистенциально-гуманистические» мотивы и «стохастические» постулаты синергетики. Благодаря этому система отношений «человек – общество» перестает интерпретироваться в жестких терминах детерминизма, и на смену неоплатонизму и неореализму, неэволюционизму и диалектическому материализму, на которых, по сути,

«держался» анонимный закон социального бытия, определявший социальное сознание, пришла постмодернистская деконструкция устоявшихся рационалистических ориентиров социального познания на объективные законы развития общества, да и на само «развитие» как таковое (Мамардашвили М.К). Однако, как и любой авангард, постмодерн в философии лишь расшатал догматизм оппозиционистской картины мира, привнес дух релятивизма и плюралистичность (антиномичность) взгляда на «начало человеческой истории», очистил горизонт проблемных полей социальной философии для иного идеалопологания, вербализация которого – дело актуального настоящего. Поэтому, постмодернистские «постулаты» «смерти автора», «смерти субъекта», «свободы от ценности», «власти языка» и «языка власти», безусловно, несут значение критики социо-культурных аксиом западного философского и обыденного дискурса XX в., но, вместе с тем, не позволяют отчетливо сформулировать те «идеалы», которые «устроили» бы современного человека той же западной Европы, не говоря уже о России, в новом тысячелетии.

Идея «идеала», подобная «надежде» на дне «ящика Пандоры», являясь, как бы, «сухим остатком» постмодернизма в философии, заставляет предпринимать попытки нового синтеза уже имеющихся знаний, в стремлении развернуть идеалопологание не столько к достижению «гармонии общества и человека», сколько в направлении осуществления желания человека быть идентичным себе, оставаться собой, тождественным себе, в какие бы преходящие ипостаси ему ни пришлось воплощаться.

Предполагая «интегральную идентичность» человека в качестве гипотетического идеала, мы получаем возможность рассматривать «социальное», действительно, как *одну* из «форм движения материи», как «геле», «материал», из которого можно сшить фрак и сходить в нем в театр, но в котором практически невозможно отправиться в горы покорять скалистые вершины, требующие, по меньшей мере, другого оснащения.

Принцип «субъектности», на наш взгляд, и заключает в себе один из существенных аспектов идеалопологания, связанного с продвижением современного человечества к тому идеалу, который мы ассоциируем с обращением к интегральной идентичности, к тождеству с собой и к восприятию себя – собой, то есть человеком в полной мере. В этом контексте современными становятся нетривиальные философские идеи С.Л. Рубинштейна, в частности – то значение, которое он вкладывал в такое понятие как «субъект жизни». Здесь, на наш взгляд, раскрывается прогностическая сила рубинштейновской гипотетической онтологии «субъектности» для социальной философии и тех частно-научных отраслей познания, которые опираются на социальную философию как на свою методологию. Мы имеем в виду, прежде всего, современную отечественную психологию личности.

Нетривиальность интерпретации «субъектности» заключается в «разведении» значений понятий, стоящих «по обе стороны» субъектности, и кажущихся, на первый взгляд, синонимами, различаемыми, обычно, лишь по «средовым» спецификаторам. Речь – о понятиях «субъект» и «субъект жизни». Казалось бы, одно и то же слово «субъект» в обоих случаях говорит о синонимичности значений. Однако, на наш взгляд, это далеко не очевидно, особенно, если обратить более пристальное внимание на неоднократно проговариваемую С.Л. Рубинштейном его исходную парадигмальную установку о «единстве человека и бытия». Тезис Рубинштейна: «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект – это бытие, включающее и субъекта» [5, с. 329], – раскрывает его

методологический замысел как стремление преодолеть гносеологизм в трактовках «субъекта», неизбежно ставящий последнего в оппозицию к «объекту», чреватую оправданием властной экспансии субъекта («единственного и его Я») по отношению к миру (абсолютному объекту) и отчуждением их друг от друга.

Именно это «стремление» заставляет Рубинштейна говорить не просто о «субъекте», но именно о «*субъекте жизни*», снимая тем самым «разделенность», теперь уже, «субъекта жизни» и самой «жизни», предлагая рассматривать «жизнь» как интенцию субъекта, удостоверяющую само его присутствие в предельном смысле – смысле «самобытия». В этом «*субъектно-жизненном*» контексте раскрылась возможность поставить корректно проблему соотношения «жизни» и «бытия» как философско-психологическую проблему *перевода жизни в бытие*, где «перевод» стало возможным трактовать как процесс порождения идеального, преобразующего реальное, или как *субъектность «субъекта жизни»*.

Различие значений «субъекта» и «субъекта жизни» и отнесение «субъектности» к смысловому полю «субъекта жизни» влечет за собой понимание «субъектности» не как «свойства» «субъекта», часто отождествляемого с его «субъективностью», ограничивающего жизненную компетентность «субъекта» «углом зрения», «точкой зрения», «мнением» или «правдой», всегда неполной и ограниченной. Отнесение «субъектности» к полю «субъекта жизни», ведет к пониманию «субъектности как «качества» «субъекта жизни», интерпретируемого в терминах *процесса*, показывающего «субъекта жизни» и как «продукт» этого процесса, и как того, кто этот процесс порождает, и как того, кто порождается в этом процессе, и как направленность самого процесса.

Принцип субъектности начинает показывать свою объяснительную силу именно с этого исходного положения. Он позволяет осознать причины разрыва и, вместе с тем, путь устранения разрыва в соотношении ведущих категорий социальной философии и психологии личности, причем, не в ущерб «*онтическому*» статусу категорий психологии личности, но дает право вписать их в семантическое пространство системного подхода к *онтологии* «человека и общества», находящейся в компетенции социальной философии, – вписать, как ту «часть», которая «содержит алгоритм, несет код целого» (метафора «фрактала»).

Одновременно, обретая онтико-онтологический паритет с психологией личности, социальная философия, оформляясь в своем новом категориальном поле, синтезирует и транслирует то «целое», которое сворачивается в «части» - в категориальном пространстве психологии личности. Благодаря принципу субъектности, категориальные сети социальной философии и психологии личности становятся конгруэнтными, представая в ипостаси «онтической онтологии» и выражая голографическую природу гуманитарного дискурса в целом. Как следствие соотношения категорий социальной философии и психологии личности в опоре на «принцип субъектности», и в отношении к понятию «субъективность» исчезает субъективистский «комплекс неполноценности», а понятию «субъектность» перестает угрожать «бритва Оккама», заставляя вспомнить известный поэтический афоризм В.В. Маяковского: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно»...

В основании понимания человека как «субъекта жизни», на наш взгляд, содержится утверждение определенной *позиции человека по отношению к проживаемой жизни в целом*. Понятие «*позиция человека*» здесь – ключевое, несет значение «кода» именно субъектности, и в качестве «кода» субъектности, подлежит расшифровке в языке не только философии, но и психологии личности.

В философском «осмысляющем раздумье» это – встраивание «кода» в синергетическую модель фрактального и голографического отношения открытой

системы «человек» («целого») к «субъекту жизни» и «субъектности» («части»), с одной стороны. С другой стороны, «позиция человека» («код») осмысливается в контексте модели отношения «субъекта жизни» и «субъектности» («целого») с категориями, обобщающими знание о «формах» субъекта жизни («частями»).

В случае с психологией личности, «позиция человека» как код субъектности может изучаться в контексте идеи «психологической модели субъектности», ее элементной базы, инвариантных «единиц» и структуры субъектности, которые могут быть верифицированы в ходе конкретного психологического исследования и «собраны» в определенный методический комплекс, работая, по меньшей мере, на уровне диагностики жизненных стратегий индивидуума, проявляющихся в мотивационных и поведенческих диапазонах его жизненной ситуации и социальной активности в целом.

Итак, понятие «субъект жизни» предполагает «позицию человека по отношению к жизни в целом». «Позиция человека» – «код» субъектности. «Субъектность» – целое, сворачивающееся в «части», представленное «кодом» – позицией человека по отношению к жизни; «часть» – это «жизненная ситуация», переживаемая и проживаемая конкретным индивидуумом. «Жизненная ситуация» индивидуума может содержать инвариантные «показатели» «позиции человека по отношению к жизни в целом». В этом случае индивидуум выходит к трансцендентному по отношению к нему «человеческому» содержанию своей жизни, может интерпретироваться в своем становлении как «субъект жизни».

Оперируя в психологии личности представлением о «позиции человека» как «коде» субъектности, мы отсекаем ненужный диагностический плюрализм и перебор других «позиций»: допуская, что позиции могут быть разные, но что есть такая позиция, которая осуществляется только «человеком как субъектом жизни», мы получаем возможность определиться с направленностью эмпирического изучения фактичности, которую исследует психология личности: эмпирическое изучение уникального индивидуума в психологии личности сможет ориентироваться именно на эту уникальность, а не нивелировать ее в типизирующих выводах стандартизированных методик, вращающихся в рамках представлений о «норме» и «усредненном показателе». Психология личности превращается в исследование «отдельного случая», «случаю» придается значение *события* жизни, той ситуации, того «фрагмента», который именно в качестве фрейма, несет в той или иной мере, *позицию человека* по отношению к жизни в целом. И по тому, соответствует ли данная «расстановка сил», композиция конкретного случая, его структура, «позиции человека», можно говорить, действительно ли перед нами – подлинное событие, то есть, «часть» (фрактал), которая несет «целое», свернутое в «коде» субъектности. А значит, делать нетривиальный вывод о «мере» человеческого (всеобщего), представленной в индивидууме (единичном), со всеми вытекающими отсюда этическими следствиями. А, как известно, нравственные установки лежат в основе программы жизни, без которой не может состояться стратегия жизни, а жизнь, лишённая стратегии, лишена качества «бытия», а там, где нет бытия, нет и становления, а есть смутный бессознательный страх перед «ничто» и «болезнь к смерти», деструктивная по отношению к жизни.

Позиция человека может быть конкретизирована в ее истоках как установка на преобразование/преобразование/произведение «жизни» в «бытие» в *ритме становления*. Соответствие ритму становления, таким образом, является критерием выраженности «качественности» позиции по отношению к жизни. В зависимости от глубины или степени выраженности (осознанности, сознательности воспроизведения) такой позиции жизнь субъекта жизни обретает *измерения* «бытия» (контуры бытия).

«Бытие» как «человеческая мера» жизни, само имеет особые «единицы измерения» (выраженные, например, в понятиях «время», «со-бытие», «дазайн», «темпорал», «смысл», «повседневное», «конечная область значений», др.), свидетельствующие о бытии к становлению и о становлении в бытии. «Предельной вершиной бытия» можно считать «полноту бытия» или «самобытие» (М. Хайдеггер): в этом случае «ритм становления» субъекта жизни концентрированно выражает у М. Хайдеггера понятие «Дазайн» («вот-бытие», «да-бытие»), присутствие присутствия (полнота присутствия). «Субъект жизни» в этом качестве («дазайн») становится «экзистенциальным» понятием.

Константной чертой субъекта жизни признана его характеристика как «субъекта познания и действия» [5, с. 329]. Понятие «субъект познания и действия» выражает продуктивный характер «субъекта жизни», позволяет говорить о нем как об источнике (производителе), главном участнике и «гипотетической цели» его собственной продуктивной активности, производящей бытие. Таким образом, невозможно говорить о «бытии» «без» субъекта жизни, так же, как невозможно говорить о «сознании» в отрыве от «бытия» (сознание есть «сознание бытия»). В контексте «перевода жизни в бытие» бытие всегда есть бытие субъекта жизни, а субъект жизни как таковой – бытийствует.

Если принять онтологическое допущение о нелинейной природе «субъекта жизни», то эта «аксиома» позволяет конкретизировать «субъекта жизни», по меньшей мере, до тех, исторически сложившихся в социо-культурной истории человечества, *форм его существования*, в которых преломляется субъектность, и, оставаясь интегративной матрицей любой из форм «субъекта жизни», сворачивается как «код» в каждой из форм, позволяя состояться каждой из них в своем «роде» и «виде» по-своему, то есть уникально.

В этом контексте по-новому может быть задана ведущая категория социальной философии и психологии личности, – «социальный субъект»: соотносясь с интегральной категорией «субъект жизни», социальный субъект интерпретируется как исторически сложившаяся и, уже поэтому, имеющая «конечную область значений», *форма «субъекта жизни»*. Границы «жизненного мира» социального субъекта очерчиваются тем, валидным для социального субъекта, вариантом субъектности, который раскрывается как активность особого рода, связанная с *изменением, преобразованием* среды-объекта в соответствие с рационально поставленными целями социального субъекта. Так понимаемая субъектность социального субъекта требует от него именно «быть субъектом» для того, чтобы эта активность состоялась. Таким образом, та форма «субъекта жизни», которой мы считаем социального субъекта, по своему характеру *должна* «быть субъектом», и, соответственно, вариант субъектности социального субъекта принципиально «субъектен». Это означает, что феноменология субъектности социального субъекта попадает в объяснительную парадигму субъект-объектных отношений.

Это, казалось бы, – уже известное понимание субъектности, но, при четком отнесении ее значения к «социальному субъекту», приобретает эвристическое продолжение: если считать социального субъекта формой «субъекта жизни», осуществляющей определенный вариант субъектности, который предполагает, что социальный субъект должен быть «именно субъектом», чтобы осуществлять ее и образовываться самому в процессе субъектности, то мы можем предположить, что это – не единственная форма «субъекта жизни», а, значит, и субъектность по содержанию, характеру и направленности может быть иной (вариативность интегральной субъектности). Тогда и форма субъекта жизни может гештальтироваться иначе, и субъектность этой формы субъекта жизни по характеру,

как и сама эта форма, могут описываться иначе, нежели это имеет место в случае с социальным субъектом.

Одновременно, если правомерно ввести, по крайней мере, еще одну форму субъекта жизни, то «социальный» дискурс перестает быть самодостаточным в истолковании феноменов, попадающих в «разряд» человеческих отношений. Иная форма субъекта жизни, исторически разворачиваясь в поле интегральной субъектности, получает тем самым собственный язык описания собственной субъектности, что исключает возможность экстраполяции социально-философского дискурса на ту сферу отношений и позиции человека, которые могут и не отвечать требованию «быть субъектом», со всеми вытекающими отсюда этико-психологическими следствиями.

Мы имеем в виду ту драматическую ситуацию, которая сложилась в отношении категории «этнос», превратившейся в синоним «нации», «народа» и даже «национальности», ситуацию, которая привела к смешению «этнуса» с «этничностью» и «этническим», «народным» и «национальным», а в целом – к потере «этнсом» статуса полноценной категории. Сегодня стало шаблонным правилом заключать о явлениях и процессах, касающихся этноса, по аналогии с закономерностями онтогенеза, изучаемого в рамках социогенеза (Хотинец, Стефаненко, Шнейдер), в то время как генезис этноса, этногенез, его характер, направленность и психологическая специфика остается «за кадром» психологии личности, в частности. Традиционно проблемы этноса рассматриваются в рамках культур-антропологии, психологической антропологии и этнопсихологии, развивающихся практически параллельно психологии личности и не играющих в ней существенного значения. Вместе с тем, в связи с обострением экстремистских настроений в обществе, усиливающегося террористического и националистического актуала (и не только в сфере политических и международных отношений), особенно в среде молодежи, национально-окрашенных революционных движений на Ближнем Востоке, в связи с противоречиями в процессах межэтнической интеграции и дезинтеграции и др. – формируется тенденция к выбору иной, нежели предлагает социальная философия сегодня, парадигмы понимания соотношения «этносного» и «социального», к попыткам неформального и углубленного психологического изучения казавшихся недавно тривиальными и архаическими «этническими» атрибутов, вкрапленных в социальную инфраструктуру жизни (Резников Е.Н. «Методические проблемы этнической психологии»; Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности и детей и подростков /Под ред. М. Баррета и др.) и устанавливающихся на уровне заполнения анкетных данных самими респондентами.

Возвращение «этносу» категориального статуса возможно в опоре на принцип субъектности. В контексте соотношений категорий «человек», «субъект жизни», «субъектность», «формы субъекта жизни», категория «этнос» получает статус полноценной «формы субъекта жизни», отличной от «социального субъекта». Категория «этнос», таким образом, обобщает опыт жизни, который для того, чтобы «становиться» к полноте своей субъектности не требует от «этнуса» «быть субъектом», то есть, по сути, «бессубъектен»...

Таким образом, принцип субъектности продуктивен как с точки зрения методологии социально-философского познания, так и в отношении категориального синтеза социальной философии и психологии личности.

Примечания:

1. Барулин В.С. Социальная философия. Учебник. В 2-х тт. М., 2004.
2. Гобозов И.А. Социальная философия: учебник для вузов. М., 2007.

3. Кемеров В. Введение в социальную философию: Учебник для вузов. М., 1996.
4. Крапивенский С.Э. Социальная философия. Учебное пособие. М., 1994.
5. Мамардашвили М.К. Из лекций по социальной философии // Социологический журнал. 1994. № 3.
6. Очерки социальной философии / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 1994.
7. Пигров К.С. Социальная философия (Пропедевтический курс лекций для студентов гуманитарных специальностей). СПбГУ, 2006.
8. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности и детей и подростков / Под ред. М. Баррета, Т. Рязановой, М. Воловиковой. М., Изд-во Института РАН, 2001.
9. Резников Е.Н. Методические проблемы этнической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
10. Стефаненко Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2003.
11. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
12. Шнейдер Л.Б., Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2009.

УДК 159.9

ПРИНЦИП СУБЪЕКТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

¹Светлана Николаевна Тесля
²Игорь Борисович Шуванов
³Владимир Владимирович Видищев

¹Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор философских наук, профессор
E-mail: Wayness@yandex.ru

²Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат психологических наук, профессор

³Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
соискатель
E-mail: voland.begemot@mail.ru

В статье предпринята попытка раскрыть содержание принципа субъектности в современной отечественной социальной философии и психологии личности как основу их категориальной интеграции.

Ключевые слова: принцип субъектности, субъектность, идеалоположение, идентичность, человек и бытие, субъект, субъект жизни, позиция человека, этнос.